

## СЕЛО НОВОЕ ЛИКЪЕВО И НОВОЛИКЪЕВСКАЯ ИВАНОВСКАЯ ЯРМАРКА.

Село Новое Ликъево нижегородскаго уѣзда лежитъ на ю.-в. отъ Нижняго Новгорода, въ четырехъ верстахъ отъ праваго нагорнаго берега „Царицы рѣкъ“ и—въ одной верстѣ отъ нижегородско-казанскаго почтоваго тракта, на склонѣ горы Долгой. Внизу селенія, подъ горой, протекаетъ въ своихъ замѣчательно крутыхъ, замѣчательно извилистыхъ берегахъ притокъ Волги съ правой нагорной стороны, р. Кудьма. О времени и обстоятельствахъ возникновенія этаго села, за неизмѣнимъ о томъ историческихъ данныхъ и устныхъ преданій поселянъ, ничего неизвѣстно; но собственное имя его „Новое“ даетъ, конечно, довольно основательный поводъ къ предположенію, что оно возникло уже послѣ своего, лежащаго на противоположномъ берегу р. Кудьмы, собрата—деревни Старога Ликъева, а приведенныя въ исторіи и описаніи Нижняго Новгорода, составленнаго г. Храмцовскимъ, историческія данныя о заселеніи русскимъ народомъ береговъ Волги, Оки и Кудьмы, въ предѣлахъ нынѣшняго нижегородскаго уѣзда, что оба селенія—и Старое и Новое Ликъево—основаны какими нибудь выходцами изъ окружавшихъ нижегородскую землю княжествъ, отделившихся на зовъ нижегородскаго князя Константина Васильевича, въ концѣ XIV или первой половинѣ XV вѣка.

При вѣздѣ въ село Новое Ликъево, имѣющее, кстати скажу, видъ равнобедреннаго треугольника, гипотенузой котораго служитъ Долгій порядокъ, расположенный вдоль всего ската горы Долгой, и катетами—Елховка и Поганый порядки, прежде всего бросаются въ глаза, конечно, главы деревяннаго храма, выстроенаго лѣтъ 30 тому назадъ, вмѣсто сгорѣвшаго, въ честь Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, съ придѣлами въ честь Рождества Іоанна Предтечи однимъ и Николая Чудотворца другимъ. Затѣмъ уже вниманіе прѣзжаго сосредоточивается на частныхъ постройкахъ новоликъевцевъ, постройкахъ довольно еще новыхъ и красивыхъ и довольно правильно распо-

ложенныхъ послѣ посѣтившаго ихъ въ 1871 году большого пожара, въ который сгорѣло болѣе  $\frac{2}{3}$  жилыхъ домовъ. Изъ общественныхъ и частныхъ построекъ, имѣющихъ по чему либо важное значеніе для крестьянъ, заслуживаютъ вниманія дома священно-церковно-служителей, расположенные на такъ-называемомъ поповскомъ порядкѣ; ветхій, уже вросшій въ землю, съ образовавшимся на ветхой крышѣ отъ перегноя довольно толстымъ слоемъ чернозема, домъ приходскаго училища, стоящій вблизи церковной ограды; хорошій домъ волостного правленія и новый, бойко и даже, пожалуй, гордо смотрящій двухъэтажный домъ питейнаго заведенія, называемый нѣкоторыми въ шутку отдѣленіемъ министерства народнаго помраченія. Жилыхъ домовъ въ Новомъ Ликѣевѣ 188; въ томъ числѣ 2 полукаменныхъ.

Средину селенія занимаетъ торговая площадь, обнимающая собою пространство въ  $1\frac{1}{2}$ —2 десятины земли и принадлежащая княгинѣ Голицыной, у которой она арендуется троями компаньонами изъ мѣстныхъ крестьянъ за 100 рублей въ годъ. На площади, для каждаго недѣльно существующихъ, по воскреснымъ днямъ, базаровъ, имѣется 7 постоянныхъ деревянныхъ лавокъ и разбивается до 40—50 небольшихъ лавокъ на одинъ день въ году—въ ивановскую ярмарку. Въ полуверстѣ отъ селенія, по направленію къ югу, лежатъ, высящаяся надъ Кудьмой и возвышающаяся алебастромъ (впрочемъ, по отзывамъ знатоковъ—псевсокаго качества)—гора Сіонъ.

Новоликѣевцы, какъ и крестьяне окружающихъ ихъ селеній новоликѣевской волости, изъ-стари числились за семейными членами рода князей Голицыныхъ. По 10-й народной ревизіи 1858 года ихъ было 796 душъ; въ томъ числѣ мужескаго пола 391 душа и 405 душъ женскаго пола. Въ августъ-же мѣсяцѣ 1884 года народонаселеніе Новаго Ликѣева равнялось 909 душамъ, въ томъ числѣ 448-мъ душамъ мужескаго пола и 461 душъ женскаго пола. Слѣдовательно въ 26-лѣтній періодъ времени народонаселеніе возросло: общее на 14,19<sup>0</sup>/о; въ частности: мужское—на 14,57<sup>0</sup>/о, женское—на 13,82<sup>0</sup>/о. Ростъ, какъ видно, не изъ блестящихъ, не смотря на то, что мѣстность, за-

нимаемая Новымъ Ликѣвомъ, одна изъ возвышеннѣйшихъ и потому лучшихъ въ уѣздѣ для здоровья, тѣмъ болѣе, что по близости ея нѣтъ никакихъ ни болотъ, ни озеръ, а если и есть они — то за рѣкой Кудьмой, умѣряющей своими испареніями вредныя испаренія первыхъ. Противъ системы водоснабженія — тоже говорить нечего, ибо селеніе имѣетъ 7 колодезей, въ числѣ которыхъ 3 общественныхъ и 4 частныхъ, и кромѣ того жители пользуются еще проточной, рѣчной водой. Заразныхъ мѣстъ, какимъ въ жаркое время и при извѣстныхъ благопріятныхъ для того условіяхъ могло-бы служить кладбище, по близости нѣтъ, и послѣднее отнесено отъ задовъ селенія на 200—300 саж. къ с.-в. Что-же мѣшаетъ болѣе успѣшному, болѣе быстрому росту народонаселенія села Новаго Ликѣва? Какая неблагопріятная тому причина? Гдѣ и въ чемъ она кроется? Чему надо приписать и чѣмъ надо объяснить ее? — Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ знатоками составляетъ истинный, живой интересъ.

По моему мнѣнію явленіе это, отчасти, объясняется тѣмъ, что ежегодно довольно изрядная по своему количеству часть новоликѣвцевъ (до 60 челов.) покидаетъ родное село и ищетъ себѣ добавочныхъ средствъ къ плохо вознаграждаемому сугликовой и сѣропесчаной почвой сельско-хозяйственному труду въ постороннихъ отхожихъ заработкахъ и преимущественно волжскихъ, — и отчасти тѣмъ, что для новоликѣвскаго крестьянина, падкаго, вообще, на вино и незнающаго въ немъ сытости, съ издавна (говорять, со времени открытія винныхъ откуповъ) существуетъ питейный домъ.

Земельный надѣлъ крестьянъ невеликъ и плохого качества. По свѣдѣніямъ нижегородской уѣздной земской управы за 1881 г., новоликѣвцамъ принадлежитъ: усадебной земли 64,22 десятины, пахотной 494,59 десятины, сѣнокосной поемной 153,33 десятины, сѣнокосной непоемной 137 десят., выгона 87,29 десят., лѣса 236,57 десят., всего 1173 десят., что составляетъ на каждую душу надѣла, по выкупному акту, 3 десятины и по 2,61 десятины на каждую наличную въ 1884 году мужескаго пола

душу. Обыкновенный урожай, по тѣмъ-же свѣдѣніямъ и за тотъ-же годъ, не превышаетъ самъ-3 для обоихъ видовъ хлѣбовъ — и озимого и ярового. Скота содержится въ селеніи: лошадей около 120 штукъ, крупнаго 135 штукъ и около 315 головъ мелкаго. Дележка земли на подворные участки крестьянами производится по мірекому приговору на 20—25 лѣтъ. Такъ до 1884 года прежній раздѣлъ существовалъ 25 лѣтъ, вновь-же раздѣлена весной 1884 года на 20 лѣтъ. Размѣръ оброка, платимаго помѣщицѣ, равняется 8 рублямъ 50 коп. на душу по уставной грамотѣ, 7 рублямъ 91<sup>1</sup>/<sub>4</sub>к. на наличную (въ 1881 г.) и — 2 рублямъ 83<sup>1</sup>/<sub>3</sub> коп. на десятину надѣла (казенной мѣры). Размѣръ оброчной подати на десятину въ окрестныхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ не превышаетъ 97 коп.

Торговое положеніе села Новаго Ликѣева развило въ немъ нѣкоторыя отрасли кустарной промышленности, подробно описанныя мною въ 1887 году, въ статьяхъ моихъ о кустарныхъ промыслахъ нижегородскаго уѣзда, и промышленность, подходящую къ разряду куренной — печенье и продажу сладкихъ медовыхъ пряниковъ, идущихъ, главнымъ образомъ, на подарки женихоръ усватаннымъ невѣстамъ. Кромѣ того въ Новомъ Ликѣевѣ есть еще торговцы ситцами и торговки грушей и дулями.

Въ Новомъ Ликѣевѣ ежегодно выстраивается вновь и перестраивается старыхъ до 10-ти домовъ. Состояніе пожарной части довольно исправное: въ селеніи имѣется хорошая заливная пожарная труба, 2 бочки, 4 ведра, 1 лѣстница, 3 багра, 1 ухватъ, 4 топора, 1 щитъ изъ наруснаго полотна и нѣсколько станковъ съ необходимыми при нихъ приспособленіями къ лѣтнимъ и зимнимъ выѣздамъ; ночные-же караулы въ лѣтнее время просто можно считать образцовыми для селеній; такъ ежегодно съ 1-го апрѣля по выпадъ снѣга обществомъ нанимается особый караульщикъ съ парой лошадей подъ заливную трубу, которую, въ случаѣ пожара гдѣ либо въ окрестностяхъ села Новаго Ликѣева или въ самомъ Новомъ Ликѣевѣ, онъ обязанъ безъ всякихъ задержекъ съ своей стороны везти на послѣдній.

Въ заключеніе скажу, что не смотря на нѣкоторыя неблаго-

приятныя для жизни условія, новеликѣвецъ живетъ, какъ говорится, такъ себѣ—ни шатко, ни валко, ни на сторону, т. е. сводить концы своихъ расходовъ съ концами доходовъ и подати платить, хотя и по принужденію, исправно.

Ивановская ярмарка въ с. Новомъ Лигѣвѣ существуетъ съ незапамятнаго издавна, — начала ея не запоминають даже и такіе изъ мѣстныхъ старожиловъ, какъ 97-тилѣтній дѣдъ Королевъ. Однако рассказы послѣдняго и рассказы другихъ, менѣе впрочемъ долголѣтнихъ, но все-таки уже старцевъ, о характерѣ ивановской ярмарки въ прошломъ столѣтіи, очевидцами которой были не они сами, а ихъ дѣды, наводятъ меня на мысль, что основаніе ея—одновременно основанію при мѣстномъ введенскомъ храмѣ придѣла въ честь Рождества Іоанна Предтечи, въ день котораго (24-го іюня) она бываетъ и имя котораго она носить еще до сихъ поръ. Ивановъ день для новеликѣвца—одинъ изъ великихъ, завѣщанныхъ ему церковью и отцами, праздничныхъ дней. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только побывать за божественной литургіей этаго дня, начинающейся, вообще, довольно поздно для селенія (въ 9 ч. утра), въ сельскомъ храмѣ и увидѣть, что послѣдній полонъ молящимися; лишь беззаботная и вмѣстѣ съ тѣмъ отчаянно вольная молодежь нынѣшняго времени предпочитаетъ праздное глазнѣе навезеннаго на ярмарку товара молитвѣ пожилыхъ и шляется въ это время по базарной площади. Вѣроятно, что первыя ярмарки носили характеръ простого торга возлѣ церкви предметами бакалейнаго товара и предметами ложкарнаго производства, преимущественно, для карабатовцевъ и ветчаковцевъ, — прихожанъ новеликѣвской церкви, для которыхъ ивановъ день является днемъ престольнаго праздника доннѣ; вѣроятно, что карабатовцы и ветчаковцы, выходя въ этотъ день изъ церкви послѣ божественной литургіи, брали для своихъ гостей у съѣхавшихся къ церкви торговцевъ пряники, орѣхи, сѣмена и т. п. предметы и предметы ложкарнаго производства и съ ними уже отправлялись въ родные дома. Такая торговля при церквахъ, во время совершающихся въ нихъ богослуженій, въ дни престольныхъ храмовыхъ праздниковъ, встрѣ-

чается въ каждомъ изъ селеній нижегородскаго уѣзда и до сихъ поръ. Вѣроятно также, что ивановъ день у новолікѣвцевъ, а быть можетъ и у прихожанъ карабатовцевъ и ветчаковцевъ былъ связанъ съ какимъ нибудь религіознымъ повѣрьемъ, получившимъ свое начало отъ извращенія какого-нибудь религіознаго обряда православной церкви или оставшимся имъ въ наслѣдіе отъ болѣе грубыхъ временъ язычества, непремѣннымъ слѣдствіемъ котораго являлось народное гулянье и, преимущественно — молодежи обоего пола, устроивавшей на немъ свой веселый хороводъ. Затѣмъ, я думаю, время и мало по малу измѣнявшіяся условія народной жизни, вѣроятно, измѣняли все болѣе и болѣе поздній характеръ ивановской ярмарки и довели его настоящаго вида. Впрочемъ сходство, большое сходство настоящей ярмарки съ ярмаркой, бывшей за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, по замѣчанію мѣстныхъ старожиловъ, есть еще и весьма большое: и нынѣ, какъ и прежде, бываетъ приливъ изъ окрестныхъ селеній и всей молодежи обоего пола, разодѣтой въ свою дорогую, лучшую одежду на показъ честному люду; и нынѣ въ Новомъ Лікѣвѣ, подъ вечеръ иванова дня, собирается на базарной площади такой-же громаднѣйшій хороводъ, какъ и прежде. Разница, говорятъ, заключается лишь въ томъ, что прежде народа на ярмарку съѣзжалось больше, съѣзжалось столько, что, по мѣстному выраженію, его, бывало, пушкой не прошибешь, а нынѣ гораздо менѣе и — еще въ томъ, что привозъ продуктовъ производительнаго труда, предметовъ первой необходимости въ крестьянской сельско-хозяйственной жизни, на ярмарку нынѣ превысилъ таковой-же и по количеству и по цѣнности — продуктовъ непродуктивного труда, носящихъ на языкѣ экономистовъ названіе предметовъ прихоти или роскоши.

Канунъ иванова дня (23-е іюня 1885 года) былъ базарный день. Съ утра этаго дня базарная площадь начала покрываться плохо и не спѣша сооружаемыми деревянными лавочками, которыя мало по малу замѣщались подъѣзжавшими издалека торговцами. Раньше другихъ пріѣхали, конечно, сапожники изъ окрестныхъ селеній, для сдачи заказчикамъ привезеннаго на ярмарку сапож-

наго и башмачнаго товара, за то раньше другихъ и напились, какъ говорится „до чертиковъ“. Часовъ въ пять вечера подъѣхали къ особо для нихъ отведенному мѣсту на торговой площади наборщики холста и новины и, немедля нисколько, разбили палатки и начали покунку подносимаго къ нимъ крестьянскими женщинами изъ ближайшихъ къ Новому Лигѣву селеній холста. Ихъ было семеро, въ томъ числѣ двое нижегородскихъ, пріѣхавшихъ къ „Иванъ на госта“ (татарская фраза — „къ Ивану въ гости“) въ первый разъ за все время существованія ивановской ярмарки и пятеро арзамасскихъ, — ежегодныхъ посѣтителей ярмарки. Сравнительно съ ярмарками прежнихъ лѣтъ число ихъ (наборщиковъ) уменьшилось на 8—10 человекъ, — явленіе, всецѣло обусловливаемое годъ отъ году прекращающейся крестьянскими женщинами сѣверо-восточныхъ селеній нижегородскаго уѣзда переработки льна въ пряжу и ткани. Въ то же время другіе съѣхавшіеся уже на ярмарку торговцы не распаковывали своихъ возовъ и располагали остающимся у нихъ свободнымъ до торга временемъ, каждый по своему: кто, перекрестясь, ложился на боковой отлхъ, кто шель за покупкой рыбнаго или ягоднаго пирога, продававшася на серединѣ площади съ обыкновенныхъ крестьянскихъ обѣденныхъ столовъ мѣстными стряпучами, а кто отправлялся и на выпивку. Передъ вечеромъ блюстители порядка, мѣстные волостной старшина и полицейскій урядникъ, въ видахъ обезпеченія тишины и спокойствія ночи и въ видахъ устраниенія могущихъ выйти со стороны пріѣзжаго или мѣстнаго люда на базарной площади непозволительныхъ поступковъ, озаботились нарядомъ на вечеръ и ивановъ день 15-ти человекъ подожниковъ, отличительнымъ признакомъ которыхъ служила пришитая или приколотая къ груди булавками четырехугольной формы бумажка, съ обозначеніемъ на ней № по порядку и довольно крупной надписью „десятскій“. Благодаря этому распоряженію ночь на ивановъ день прошла совершенно спокойно и вновь подъѣзжавшіе торговцы могли безъ боязни за пропавшаго товара смыкать вѣки своихъ уставшихъ, утомившихся за долгій іюньскій день, <sup>ѣ</sup>глазь.

Забрезжило... Торговцы, по видимому, спокойно спали на своих возахъ или около послѣднихъ на зеленой травѣ-муравѣ. Но вотъ, гдѣ-то на одномъ изъ порядковъ запѣлъ въ послѣдній для канувшей въ вѣчность ночи и въ первый для наступающаго дня разъ бессонный пѣтухъ, за нимъ другой, третій и — пошла пѣтушья перекличка. Морфей раздвинулъ свои объятія, и новоликѣвцы начали просыпаться. Первыми вышли на базарную площадь мальчуганы восьми-дѣвятилѣтняго возраста съ только что накошенными въ домашнихъ огородахъ связками сочной, душистой травы, первыми нарушили они спокойствіе новоликѣвскихъ улицъ и первыми заговорили. — „Надо ли, дядя, травы? Дешево отдамъ!“ бойко выкрикивалъ одинъ изъ нихъ лежавшему возлѣ своей лошади, на травѣ прѣбывавшему на ярмарку съ какимъ-то товаромъ крестьянину. — „Дядюшка, а, дядюшка! Купи у меня траву!“ предлагалъ въ другомъ мѣстѣ другой мальчуганъ... Просыпавшіеся торговцы потягивались, зѣвали во весь ротъ, вставали и лѣнливою походкой вели своихъ уже вполне остывшихъ отъ дороги и заморившихся безъ питья лошадокъ на кудьминскій водопой, воротившись съ котораго давали имъ корму, развязывали, распаковывали воза и сортировали товаръ. Между тѣмъ честной людъ — покупатели — съѣзжался, подходилъ и малопомалу запружалъ и оживлялъ торговую площадь. Часовъ съ семи утра начался торгъ. Торговцы то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ обѣняли себя большимъ истовымъ крестнымъ знаменіемъ съ починомъ дѣла и приговаривали: „Только для почина, братья мой“ (или — „господинъ честной“), а то-бы-ни за что!.. Ей Богу.. Да развѣ такая вещь этаго стоитъ?.. А ужъ доброта-то, доброта-то какая! На всей ярмаркѣ не сыщешь!.. Давай деньги“?!

Въ девять часовъ раздался благовѣстъ къ обѣднѣ. Народъ почтительно снималъ фуражки и крестился. Охотники вышить, между тѣмъ, кучились около питейнаго; но послѣдній „убояся навлечь на себя гнѣвъъ полицейскихъ властей, убояся преслущаться закона“, — не отпирался.

— Эй, Иванъ Матвѣичъ! Голубчикъ — отпирай! кричалъ



одинъ изъ мучившихся передъ питейнымъ приказчику виноторговца

— Чего ты, чертова перечница, заперся? Развѣ для того кабакъ-то сдѣлали, чтобъ на крючкѣ его держать? ворчалъ другой.

— Нельзя, господа; вотъ обѣдя отойдетъ, тогда — сколь душѣ угодно, милости просимъ, отзывался изнутри питейнаго, черезъ окно, сидѣлецъ.

— Да что намъ Обѣдня? Обѣдня!... Обѣдня!... Обѣдня для тѣхъ, кто въ церкви, а не здѣсь. Опять-же, я не здѣшній. Въ нашемъ-то селѣ, чай ужь, давно пообѣдали... Дай хоть стаканчикъ, жидь эдакій!

Но не смотря ни на самые по-видимому резонные доводы, ни на мольбы и просьбы, ни на обидныя слова толпы — питейный не отпирался.

Ярмарка все больше и больше входила въ разгаръ. Войчѣ другихъ предметовъ продавались деревянныя издѣлія, привезенныя въ Ликѣво — преимущественно изъ Мирши, Константинова, Муравьихи и др. селеній нижегородскаго уѣзда, какъ-то: грабли, колеса, дуги, оглобли, бороны, сохи, кося (для насадки кось), вилы. Къ полудню товаръ этотъ почти весь проданъ, такъ что большинство торговцевъ выѣзжало изъ ряда и, закупивъ кое-что на ярмаркѣ, отправлялось по домамъ разныхъ селеній. Кромѣ упомянутыхъ предметовъ на ярмаркѣ пролавались товары: мануфактурный, шорный, замочный, скобяной, ножной, ложкарный, бакалейный, глиняный, галантерейный, бондарный, сундучный, желѣзный, берестяной (бураки, пещера) и косной. Рядомъ съ послѣднимъ видомъ ярмарочнаго товара (австрійскими косами) стояли воза съ допатками для точки кось, веревками. Отъ тѣсноты проходовъ на площади народъ не ходилъ уже, а, можно сказать, толкался, поднимая своими ногами облака пыли, носившейся надъ ярмаркой какъ дымъ.

Въ 11 часовъ отошла божественная литургія и народъ

кучами повадилъ къ питейному; располагался около него, на травѣ, кучками и выпивалъ въ волюшку. Послышались самые сердечные тосты, произносимые то за здоровье какого-нибудь Ивана Никитича, то за здоровье Василя Петровича и т. д. Народъ, хвативъ въ себя истоваго „веселія Руси, безъ него-же она и можетъ жить“, спорилъ, кричалъ, шумѣлъ, ругался и мирился тутъ-же за стаканомъ „круга“. Вдругъ раздается крупный, обращенный къ скучившемуся около питейнаго люда, разговоръ одного крестьянина, уже изрядно подвыпившаго и стоявшаго на ступенькахъ кабацкой лѣстницы. Говоръ и шумъ мгновенно смолкли, и сидѣвшій на лугу людъ окружилъ оратора. Я также подошолъ и пристально вемотрѣлся въ послѣдняго. Это былъ здоровый, видный изъ себя мужчина, хотя ему, по видимому, и было 55—60 лѣтъ. Одѣтъ онъ былъ въ пестрядные рубаху и порты; обутъ въ кожаные поношенные сапоги. Черты лица его были довольно крупныя. въ особенности-же отъ излишняго употребленія вина весь изноздрившійся носъ. Онъ велъ рѣчь о политикѣ. Какъ русскій по рожденію и чувствамъ, какъ членъ великой, стомилліонной русской семьи, онъ, естественно, превозносилъ родину въ ея могуществовъ и славъ и ставилъ ее выше всѣхъ государствъ въ мірѣ. Про англо-русскую распрю онъ выразился такъ:

— Чай слышали, послыхали, православные, что англичанка на насъ войной собиралась? Посучила, посучила руками-то, да и сробѣла?... А сробѣла она оттого, православные, что я, по прозванію „Зарубка“, сталъ собираться на войну. Я прямо ей сказалъ, что если-моль ты, дрянъ эдакая, начнешь воевать, такъ я, Зарубка, самъ-пять выду за Бѣлаго царя: самъ пойду въ центрѣ, Пашку поставлю съ праваго крыла, Ваньку-Труху— съ лѣваго, Сергушку пошлю впередъ на развѣдки, а Миколку— сзади на краулъ, тогда не сдобровать тебѣ! Ну, она и сробѣла...

Ай да, Зарубка! Ай да, молодець! сочувствовала ему толпа и смѣясь на—перерывъ подносила ему стаканъ за стаканомъ...

На площади слышалась, подъ звуки гармоникъ, разликая  
пѣсня крестьянскихъ ребятъ:

Съяли дѣвушки  
Яровой хмѣль;  
Съяли, садили  
Приговаривали:  
Вейся, хмѣль,  
По тычинкѣ вверху!..  
Безъ тебя, хмѣлюшка,  
Не водится,  
Пьяная бражка  
Не варится,  
Молоды ребяташки  
Не женятся,  
Красныя дѣвушки  
За-мужъ нейдуть...

**Ф. И. Маракинъ.**